

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРАВА КАК «НЕЗРИМАЯ КОЛЛЕГИЯ»*

И. Л. ЧЕСТНОВ**

Честнов Илья Львович,
доктор юридических наук,
профессор кафедры государ-
ственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского
юридического института
(филиала) Академии Генеральной
прокуратуры РФ;
заслуженный юрист РФ

В статье рассматриваются два основных вопроса: что такое научная школа в юриспруденции и можно ли говорить о постклассической коммуникативной концепции права как о петербургской научной школе, а также каковы ее перспективы. Научная школа представляет собой малую группу (в социологическом смысле), объединенную неформальным лидером (его статус может совпадать с формальным) и соответствующей научно-исследовательской программой. В современном науковедении на смену научным школам приходит новый вид научной коммуникации — «невидимый (или незримый) колледж». Это связано с изменениями, которые произошли в организации научного сообщества в последние 20–25 лет: от достаточно жесткой структуры научной школы наметился переход к гибким творческим коллективам и «объединениям ученых по интересам», или «незримым колледжам». В начале XX в. существовала психологическая юридическая школа Л. И. Петражицкого. Сегодня в российской юридической науке научных школ, кроме юридического

либертариизма, нет. Сегодня формируется «незримая коллегия» — коммуникативная теория права как постклассическая парадигма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научная школа, незримый колледж, постклассическая юриспруденция, коммуникативная теория права.

CHESTNOV I. L. POST-CLASSICAL COMMUNICATIVE CONCEPT OF LAW AS AN “INVISIBLE COLLEGE”

The article addresses two main questions: what a scientific school of jurisprudence is and whether it is possible to speak about a post-classical communicative concept

* Статья представляет собой расширенный текст доклада на Международной научной конференции «Санкт-Петербургская школа философии права и современная юриспруденция» (юридический факультет СПбГУ, Санкт-Петербург, 26 октября 2013 г.).

** Chestnov Ilya Lvovich — doctor of legal sciences, professor of the Department of State and Legal Disciplines, St. Petersburg Institute of Law (Branch) of the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation, honoured jurist of the Russian Federation.

E-mail: ichestnov@gmail.com

© Честнов И. Л., 2013

of law as of the Petersburg scientific school, and what its prospects are. A scientific school is a small group (in the sociological sense) united by an informal leader (whose status may coincide with the formal one) and by the relevant scientific research program. In the modern epistemology scientific schools are being replaced by a new kind of scientific communication — an “invisible college”. It is connected with the changes in the organization of the scientific community in the recent 25–20 years: there has been a transition from a rather rigid structure of the scientific school to flexible creative groups and “associations of scientists according to their interests», or «invisible colleges». In the early twentieth century there was a psychological law school of L. I. Petražicky. Today there are no scientific schools in the Russian legal science, except for the legal libertarianism. Today the “invisible college” is being formed, that is communicative theory of law as a post-classic paradigm.

KEYWORDS: scientific school, invisible college, post-classical jurisprudence, communicative theory of law.

Научная школа представляет собой малую группу (в социологическом смысле), объединенную неформальным лидером (его статус может совпадать с формальным) и соответствующей научно-исследовательской программой. В социальной психологии науки к этим признакам научной школы также добавляют единство стиля мышления, переходящее от учителя к ученикам. Критерии научной школы достаточно условны и не являются четко зафиксированными в каких-либо нормативных документах. По мнению В. П. Карцова, в качестве таковых можно считать: единство программы деятельности, в том числе предмета исследования; непосредственное общение членов научной школы, включая общение учеников с учителем; идентичность школы как коллектива (имеется в виду психологическое отличие от других коллективов); потребность в кооперации деятельности.¹ А. П. Огурцов об особенностях научной школы пишет следующее: «Во-первых, научная школа есть форма кооперации деятельности ученых, тип научного коллектива, который объединяет усилия различных исследователей. Во-вторых, внутренняя структура научной школы обладает определенной иерархией. В этом научном коллективе вычленяется лидер. Он является автором определенной теоретической программы, вокруг которой объединяются остальные члены научной школы. Лидер научной школы является генератором той идеи, которая принимается в качестве исходной при решении поставленных проблем. Научная школа формируется двумя путями. Лидер научной школы может выдвинуть и разработать научную теорию, которая получает признание. В этом случае члены научной школы ориентируются на дальнейшее развитие этой теории, на ее применение к другим областям, на ее корректировку и освобождение от ошибок, отклонений и пр. ... В-третьих, многие школы, наряду с решением собственно исследовательских проблем, ставят перед собой задачу подготовки научных кадров. Поэтому лидер научной школы выступает не только как генератор исходной теоретической программы, но и как учитель, способствующий формированию исследователей в данной области. Состав такой научной школы постоянно обновляется, в нее постоянно вливаются новые

¹ Карцов В. П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М., 1984. С. 80.

силы, которые после обучения и работы в научной школе продолжают исследования в своей области».²

Собственно так же определяется и научная школа в юриспруденции. По мнению А. В. Ильина, «...для характеристики научной школы в юриспруденции особую важность имеют такие критерии, как: основатель (основатели) и текущий руководитель; персональный и количественный состав; время и обстоятельства основания; главные особенности научного поиска (предмет и методология исследований), а также основные научные достижения (открытия) как они отражены в фундаментальных публикациях основателя и ведущих представителей НШ; формально-организационная принадлежность членов НШ».³

Для экспликации характеристик научных школ в юриспруденции представляется важным, как само научное сообщество рефлексировало по поводу содержания, структуры и классификации научных школ. Для этого автором в 2003 г. было проведено анкетирование представителей юридического научного сообщества Санкт-Петербурга из числа преподавателей вузов города.

Было опрошено 25 преподавателей, практически все — кандидаты юридических наук, пятая часть — доктора юридических наук. На вопрос, существуют ли в современной юриспруденции научные школы, положительно ответили 19, отрицательно — 3, практически не существуют — 2, отсутствует мнение у 1. На вопрос, какие научные школы вы можете выделить, мнения респондентов разделились: по типу правопонимания (либертарная, нормативистская и т. п.) — 15 ответов;⁴ по региональному критерию — 14;⁵ по наименованию дисциплины — 11;⁶ по институциональному критерию — 2;⁷ затруднились с ответом — 4; таковые отсутствуют — 3 ответа. Эти данные интересно соотнести с открытым вопросом о критериях научной школы. Подавляющее большинство (22) в качестве такового указали наличие научной концепции, направления исследования (интересны некоторые уточнения: для 4 важен «качественно иной подход к научной проблеме», для 4 — метод исследования, для 3 — «не любые взгляды, а концептуальные»); единство научного сообщества — главный критерий для 14 респондентов; наличие лидера — для 5; институциональный критерий — для 2.⁸ На вопрос, относите ли себя к какой-либо из существующих

² Огурцов А. П. Основные стратегии историко-научных реконструкций // Философия науки: двадцатый век: Концепции и проблемы: В 3 ч. Часть третья: Философия науки и историография. СПб., 2011. С. 26–27.

³ Ильин А. В. Научная школа в юриспруденции // Правоведение. 2011. № 3. С. 159.

⁴ Естественно-правовая школа — 4 ответа, либертарная — 2, позитивистская — 2, нормативистская — 2, социологическая — 2, феноменологическая — 1, диалектико-социологическая — 1, школа юридического постмодернизма — 1.

⁵ О наличии петербургской школы высказались 6 респондентов, московской — 5, екатеринбургской — 3, дальневосточной — 1, тбилисской — 1.

⁶ О наличии школы гражданского права заявили 4 респондента, уголовного права — 2, уголовного процесса — 1, криминологии — 1, международного экологического права — 1, морского (водного) права — 1, земельного права — 1.

⁷ В качестве институционального критерия были названы «Криминологический клуб» — 1 и С.-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ — 1.

⁸ Наиболее содержательные и развернутые определения научных школ: 1) «Учение с признаками: а) определенного объекта исследования; б) не менее четырех единомышленников-ученых; в) научно-практической значимости исследования (актуальность, общественно полезные цели и реальные задачи); г) не менее двух учеников у каждого из ученых (в данной школе)»; 2) «Признаками научной школы являются: наличие нескольких

школ, отрицательно ответили 7, положительно — 15 (к петербургской — 6), 3 затруднились с ответом. Положительно ответили на вопрос о существовании научных школ в прошлом 23 респондента; лидерами среди них стали: историческая школа права — 4, социологическая — 4, московская — 3, Санкт-Петербургская — 3, психологическая — 3, позитивистская — 3. Как видим, рефлексия научного юридического сообщества по поводу научных школ является крайне поверхностной. Симптоматично, что из 33 докладов на учредительной конференции «Международной ассоциации содействия правосудию» с громким названием «Школы и направления уголовно-процессуальной науки» только в одном предпринят реальный анализ научной школы. М. Н. Поляков, начальник кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России дает следующее определение нижегородской школы процессуалистов: «...нижегородская школа процессуалистов есть неформальное объединение ученых-единомышленников, нацеленных на поиск теоретико-методологических и нормативно-прикладных средств повышения эффективности уголовного судопроизводства, способных превратить его (судопроизводство) в правоприменительный инструмент, адекватный современным потребностям борьбы с преступностью».⁹ Нельзя не заметить, что научная школа отождествляется в содержательном аспекте с «поиском теоретико-методологических и нормативно-прикладных средств повышения эффективности уголовного судопроизводства», т. е. скорее речь идет об объединении практиков-процессуалистов, а не ученых. Кроме того, школа состоит только тогда, когда ее основатели и сторонники будут находиться не в стадии поиска, а теоретико-методологические основания или подходы будут уже найдены ими!

На мой взгляд, научная школа находится внутри научной дисциплины и не может представлять ее целиком. Обязательным условием существования научной школы являются научная концепция с соответствующим предметом и методом познания реальности, лидер и институциональные критерии идентичности. Эти исходные установки видения (предмет) и познания (метод) реальности, выраженные в «классических» (для этой школы) трудах, должны разделяться некоторым количеством сторонников. При этом одно (концепция) предполагает второе (научное сообщество), так как вне ученых, тех, кто воспринимает некоторые идеи, знания как такового не существует. В то же время лидер научной школы может существовать как реально, так и виртуально — в «классических» трудах прошлого времени.

В то же время в современном науковедении, принято выделять так называемый **невидимый (или незримый) колледж**. Это связано с изменениями, которые произошли в организации научного сообщества в последние 25–20 лет: от достаточно жесткой структуры научной школы намечился переход к гибким творческим коллективам и «объединениям ученых по интересам» или «незримым колледжам». Вот что по этому поводу пишет А. Л. Елфимов: «Сегодняшний контекст развития антропологического (как, впрочем, и любого другого гуманитарно-академического)

(более одного) представителей; лидер(ы); концепция, в значительной мере разделяемая представителями школы; как правило дискуссия внутри школы, а также школы с ее оппонентами»; 3) «Любая школа, в том числе и научная, предполагает автора концепции и его последователей (сторонников); в широком понимании школой может считаться сама концепция при условии, если эта концепция получила признание».

⁹ Поляков М. П. Нижегородская школа процессуалистов как школа живого уголовного процесса // Школы и направления уголовно-процессуальной науки / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 2005. С. 37.

знания существенно отличается от того, что имел место четверть века или тем более полвека назад. И способы организации дискурса, и способы институциональной организации исследовательских сообществ претерпели ощутимые изменения. Многие приоритеты и линии демаркации, сложившиеся на том или ином этапе XX в., сегодня не работают. Так, в антропологии/этнографии сегодня больше нет никакой “школы МГУ”, “петербургской школы” и т. д. Есть виртуальные “интерпретативные сообщества”, как назвал их американский литературовед Стенли Фиш, которые складываются по самым разным критериям и факторам: критериям выбора объекта исследований, факторам личных концептуальных или теоретических предпочтений и пр. “Школы”, в старом смысле слова, в сегодняшнем контексте не являются эффективным способом организации исследовательских сообществ и теряют способность воспроизводиться (и здесь российское академическое сообщество лишь следует тенденции, обозначившейся в западных сообществах уже четверть века назад). Традиционные научные “школы”, какими мы их знаем, поддерживались характерной системой более или менее перманентного сосредоточения кадров в одном месте в условиях невысокой институциональной мобильности, монополией организации на определенный род источников (источники, которые были доступны в одной организации, не были доступны в другой и ревниво охранялись), своеобразной “идеологическо-теоретической” конкуренцией между организациями, которая также опиралась на понятия о преемственности и лояльности (понятия, характерные для науки эпохи высокого модернизма, но унаследованные от более ранних эпох и на самом деле обусловленные столетиями развития специфических догм в христианской традиции знания).

Сегодня эта картина размыта, и факторы, поддерживавшие ее гармоничный образ, сами трансформировались или девальвировались: институциональная мобильность очень повысилась (хотя до уровня, имеющего место в США, в России ей еще чрезвычайно далеко), прежней монополии на источники больше нет, идеологическо-теоретическая конкуренция больше не выступает эффективным мотивирующим фактором, принципы долговременной преемственности и лояльности не работают в мобильном и регламентированном обществе, в котором понятие “социальная стабильность” потеряло былое значение. Иными словами, сегодня ученые объединяются не на тех принципах, что полвека назад.¹⁰

Термин «незримая коллегия» возникает в эпоху Возрождения и характеризует неформальные коммуникации ученых, призванные «порвать с той формой институционализации науки и преподавания, которая осуществлена в средневековых университетах».¹¹ Незримая коллегия — это «определенный тип коммуникации между учеными, коммуникации неформальной, осуществляющейся в переписке и ставящей целью обсудить свои работы, обеспечить приоритет, получать сведения об исследованиях других ученых. /.../ Этот тип коммуникации существует в исследовательских объединениях и называется у разных историков науки по-разному — “невидимый колледж”, “научная школа”, “сплоченная группа”, “социальный

¹⁰ *Елфимов А.* Антропология в разных измерениях: предисловие составителя // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы: Сб. ст. / ред. и сост. А. Л. Елфимов. М., 2012. С. 14.

¹¹ *Огурцов А. П.* Научный дискурс: власть и коммуникация // *Философия науки: двадцатый век... Часть вторая: Философия науки: Наука в социокультурной системе.* С. 271.

круг” и т. п. Неформальный характер общения между учеными — главная черта такого рода объединений.¹² «В основе представлений о “невидимом колледже” лежит, видимо, то обстоятельство, что в каждом из наиболее активных и соревнующихся друг с другом научных направлений обнаруживается существование особой “внутренней группы”. Входящие в такую группу ученые оказываются обычно в прямом контакте с каждым исследователем, который вносит весомый вклад в данное направление, не только на национальном, но и на международном уровне, включая все страны, где данное направление получило достаточное развитие. Основной состав группы собирается обычно где-нибудь в приятных местах на узких конференциях. Члены этой группы информационно связывают отдельные исследовательские центры. Они пересылают друг другу препринты и оттиски статей, сотрудничают в исследованиях. Эти лица составляют как бы ядро, объединяя всех более или менее известных ученых исследователей данного направления, они оказываются в состоянии контролировать финансирование и лабораторное обеспечение исследований как на местах, так и в национальном масштабе».¹³

Итак, можно ли говорить о петербургской школе философии права, шире — о петербургской научной школе в какой-либо юридической дисциплине? Думаю, что для конца XIX — нач. XX в. уместно говорить о психологической школе права Л. И. Петражицкого, учениками которого были такие выдающиеся юристы и социологи, как Г. Д. Гурвич, П. А. Сорокин, Н. А. Тимашев, а также многочисленные польские последователи во главе с Е. Ланде и А. Подгурецким. Однако назвать какую-либо другую петербургскую школу философии права, если придерживаться более или менее четкого подхода к понятию «научная школа», в дореволюционной России (как и, например, московскую), на мой взгляд, проблематично. Пожалуй, для советского времени с множеством оговорок можно говорить о существовании ленинградской школы уголовного права Д. Н. Шаргородского и цивилистики А. В. Венедиктова, если можно четко сформулировать их отличия от, например, московчей. Уже школа Л. С. Явича, при глубочайшем уважении к этому теоретику права, «просматривается» хуже: где продолжатели его идей, где проводимые семинары и конференции, на которых развиваются идеи ученого? К научной школе в прямом, буквальном смысле, с моей точки зрения, в теории права сегодня относится юридический либертариизм. Во многом это связано с тем, что в общественных науках вообще и в юриспруденции в частности уровень «солидарности» ученых на порядок ниже, чем в естественных науках.¹⁴ Поэтому сегодня в юриспруденции формируются скорее «незримые коллегии», нежели научные школы. Одной из таких имеющих петербургскую «прописку» является постклассическая коммуникативная коллегия.

В последнее десятилетие в отечественной (включая ближнее зарубежье) юридической науке, усилиями прежде всего А. В. Полякова, достаточно активно разрабатывается новое направление, которое можно

¹² Там же. С. 275.

¹³ Прайс Д. Дж., де, Бивер Д., де. Сотрудничество в «невидимом колледже» // Коммуникация в современной науке. М., 1976. С. 335–336.

¹⁴ Степень интеграционного единства — главного критерия идентичности парадигмы — в общественных науках крайне низка: в экономике 43,5 %, в управленческих науках 28,8 %, в психологии 24,5 %, в социологии 17,1 %, в педагогике 14,9 %, в политологии 10,5 %. — См.: Knorr K. D. The Nature of Scientific Consensus and the Case of the Social Sciences // International Journal of Sociology. 1978. Vol. 8 № 1/2. P. 113–145.

назвать «**постклассическая юриспруденция**» (хотя именно этот термин не всегда используется). Прежде всего, следует попытаться дать ответ на вопрос, насколько обоснована заявка этого направления сформулировать новый — принципиально новый! — подход в юриспруденции и может ли она претендовать на название «незримая коллегия».

Юридическая наука, как и любая наука, не может не основываться на некотором предпосылочном знании, быть ценностно нейтральной и существовать вне социальных отношений, т. е. не испытывать воздействия социума как с точки зрения его мировоззрения, так и социально-организационного аспекта. Такое знание именуется В. С. Степиным философским основанием науки, транслирующим мировоззрение, культуру в научную картину мира и соответствующую научную дисциплину. При этом важно заметить, что изменения, происходящие в «постсовременном» социуме, обуславливают трансформацию мировоззрения, и наоборот: ментальные процессы стимулируют изменения деятельностного аспекта социальной.

Изменения социальных основ бытия человека в современном постиндустриальном, информационном обществе являются существенными, по мнению многих авторитетных философов, социологов, политологов, экономистов, представителей других социогуманитарных (а также естественных) дисциплин. Независимо от того, как именуется новое общество: поздний модерн, радикальный модерн или постмодерн — практически все сходятся в том, что социум, в котором мы живем, принципиально отличен от общества эпохи модерна. Этот переход от индустриального общества к постиндустриальному или информационному трансформирует социальную структуру, отношения собственности, управления, порождает глобализацию, новые риски и др. Одновременно возникают новые — постиндустриальные или постматериалистические — ценности, составляющие основу мотивационно-деятельностной стороны общественных отношений. Широко осознается важнейшая роль культуры, ее имманентность современному социуму. Отсутствие универсальных критериев оценки социальных явлений и процессов, виртуализация всех сфер глобального общества, новые «мягкие» методы управления всепроникающей власти, перманентность рисков и изменений — вот, пожалуй, наиболее важные изменения, происходящие в современном мире.

Существенные трансформации произошли и продолжают происходить в современном мировоззрении, философских основаниях науки. Наиболее важным представляется признание ограниченности возможностей человеческого познания, а также включение представления о социальной реальности в саму социальную реальность: последняя не существует вне и без представлений о реальности. Социальное (и правовое) явление не существует вне и без описания, объяснения, оценки явления. Но эти описания, объяснения и оценки не являются универсальными, инвариантными божественными откровениями, а выступают результатом конструктивистской, всегда несовершенной активности человека и неизбежно когда-нибудь будут опровергнуты и пересмотрены. Х. Патнем, лидер аналитической философии конца XX в., утверждает, что современная философия опровергает догмы классической метафизики: 1) признание объективной реальности, независимой от человеческого сознания, как некоторой устойчивой совокупности объектов и свойств; 2) понимание истины как отношения соответствия между словами или знаками-мыслями и внешними вещами или множествами вещей; 3) наличие одного исчерпывающе

полного и достоверного описания мира — реальности «как она есть».¹⁵ По его мнению, сегодня пришло время для моратория на онтологические спекуляции, которые предлагают нам ответ на вопрос о том, что же действительно существует «в мире», а что является лишь проекцией человеческого сознания, и эпистемологические спекуляции, претендующие на выработку единственно верного метода для оценки истинности наших убеждений и верований.¹⁶ Отсюда вытекает неизбежность контекстуальности научного познания в ситуации отсутствия позиции привилегированного наблюдателя или «Божественной точки зрения». Наши знания об объекте ограничены, поверхностны и не могут претендовать на полное, аподиктическое описание и объяснение социальных явлений и процессов (как, впрочем, и любых других объектов познания). В связи с этим приходится признать, что наши оценки социальных явлений и событий, а значит, и критерий для юридической их квалификации, контекстуальны, релятивны.

Релятивизм как принцип или содержание бытия и мышления в ситуации постмодерна преодолевает наивно-реалистическое представление о познании и мире: познание не является отражением природы («зеркалом природы» по Р. Рорти), так как мы никогда не сможем сравнить представление о реальности с самой реальностью (Т. Рокмор), ибо последняя дана нам только как представление. Все это относится и к юридическому знанию, которое обладает лишь относительной автономностью в среде социогуманитарного знания и обусловлено социокультурным контекстом (прежде всего, господствующими типами правопонимания), доминирующей картиной мира, мировоззрением. Юридическая наука — это «частная социальная теория», обладающая лишь относительной автономией, содержание ее определяется связью с социальной философией и другими общественными науками.

В связи с вышесказанным можно сформулировать онтологический принцип релятивизма права: **право — это социальное явление, обусловленное взаимодействиями с другими социальными феноменами, вне и без которых право не существует, и с обществом как социальным целым** (последнее — не более чем социальное представление, по терминологии С. Московичи, объединяющее людей на определенной территории). Отсюда напрашивается тезис, который может показаться эпатажным: нет «чистых» правовых явлений, как нет и не может быть «чистой системы права» Г. Кельзена. Право, как и любой социальный институт, хотя и не имеет единственного и единого референта — оно многогранно, многоаспектно, — существует в социальном мире в виде взаимодействий людей, опосредованных социальными (интериоризируемыми в индивидуальные) представлениями. В этих интеракциях всегда сосуществуют психика (психические феномены), культура, язык, часто — экономика, политика и т. п. Выделить юридический момент, например, в договоре купли-продажи, перевозки или в голосовании на избирательном участке, в подаче жалобы и т. д. можно только аналитически. Таким образом, **нет правовых явлений (законов, индивидуальных актов, правоотношений), которые одновременно не были бы психическими (как писал в свое время Л. И. Петражицкий), экономическими, политическими и т. д. — в широком смысле — социокультурными феноменами.**

¹⁵ Putnam H. Realism with a Human Face. Cambridge; London, 1990. P. 27.

¹⁶ Ibid. P. 118.

Таким образом, принцип релятивизма применительно к праву означает **антиуниверсализм, а также исторический и социокультурный контекстуализм.**

Антиуниверсализм — это отказ от претензий юридической науки на поиск окончательных ответов на вопрос о сущности права. Нет единого права (сущности права) для всех времен и народов. Контекстуализм права — взаимообусловленность его историей, культурой, цивилизацией: восприятием права элитой и населением (отсюда проблема транзита правовых институтов). Что позволяет именовать разные нормы и институты правом, так это то, что именно они обеспечивают самосохранение, выживание социума. При этом следует иметь в виду, что релятивизм — это не «вседозволенность», не «методологический анархизм» (в духе П. Фейерабенда), подрывающий основания юридической науки, а признание права социальным феноменом, обусловленным состоянием общества и существующим вместе (во взаимодополнительности) с другими социокультурными и психическими явлениями. Современная постклассическая юриспруденция, претендующая на адекватность социокультурному контексту постиндустриального общества, должна суметь дать ответ на вызов релятивизма.

Важными конкретными (приземленными) философскими проблемами социального бытия в ситуации «постклассики», вытекающими из признания контекстуальности и релятивности общественных явлений и процессов, являются: невозможность их абсолютной и объективной оценки с позиций метанаблюдателя; проблематизация социальных норм с точки зрения их рациональности; роль специального экспертного знания, в том числе применительно к функционированию демократии; оценка мыслительных (психических) процессов человека при конструировании форм приписывания ответственности за свои и чужие действия; управляемость обществом риска и др.

В общем и целом **современное (постклассическое) мировоззрение отличается от классического следующими моментами: признанием сложности, многогранности и «неисчерпаемости» социальных явлений и процессов; включением познавательного отношения в социокультурный, ценностный контекст;¹⁷ контекстуализмом и релятивизмом вместо универсализма; признанием невозможности однозначного аподиктического. универсального описания, объяснения**

¹⁷ Именно в этом видит главную особенность постнеклассической гносеологии В. С. Степин. Он, в частности, пишет: «Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с венаучными ценностями общесоциального характера. В современных программно-ориентированных исследованиях эта экспликация осуществляется при социальной экспертизе программ. При изучении человекообразных систем исследователю приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства в объект. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями. /.../ Становление постнеклассической рациональности требует нового углубления рефлексии над научным познанием. В поле этой рефлексии включается проблематика социокультурной детерминации научной деятельности. Она рассматривается как погруженная в социальный контекст, определяемая доминирующими в культуре ценностями». — *Степин В. С. Цивилизация и культура.* СПб., 2011. С. 198, 205.

и оценки социальных феноменов; конструируемость знаний и социальной реальности, а не их «данностью»; отказом от бинарных оппозиций материальное/идеальное, должное/сущее, бытие/мышление (шире — вообще от бинарности) в пользу их дополнительной (от принципа или/или к принципу и/и); вероятностью вместо причинности; неустранимостью личностного, человеческого начала и знаково-символических форм, значений и смыслов, опосредующих человеческую жизнедеятельность, превращающих социальность в культуру; intersубъективизмом вместо объективизма; динамикой (механизмом воспроизводства) вместо статики; знанием «как» (личностным, практическим знанием) вместо знания «что» (натуралистической онтологии).

На эти вопросы применительно к правовой реальности пытается найти ответы постклассическая юридическая парадигма. Концептуальная научная ее новизна состоит в том, что она вырабатывает более глубокий взгляд на право, адекватный современным условиям постиндустриального социума. Право с точки зрения постклассической парадигмы — это многогранный, сконструированный и воспроизводимый практиками людей феномен, характеризующийся процессуальностью, а не онтологической данностью (знанием «как», а не «что»), соединяющий, точнее, деконструирующий, в принцип дополнительной бинарные оппозиции должного и сущего, идеального и материального и т. п., приближенный к практическим нуждам современного социума.

Одним из наиболее перспективных направлений в рамках постклассической концепции (коллегии) права является **коммуникативная**, разрабатываемая, прежде всего, А. В. Поляковым.¹⁸ Ее можно считать незримой коллегией, в том числе потому, что благодаря усилиям А. В. Полякова достаточно регулярными стали контакты петербургских юристов с их западными коллегами — «коммуникативистами», такими, как В. Кравиц, М. ван Хук и др. При этом петербургскую коллегию («подколлегию» или «филиал») отличают некоторые особенности, в частности антропологизм. Права «как такового», утверждает А. В. Поляков, не существует. Это означает, что у этого слова нет определенного эмпирически узнаваемого референта. Право принадлежит к миру значений и смыслов, неотделимых от внутреннего мира человека и его отношений с другими людьми, и конструируется сознанием на основе институционализированных социальных практик.¹⁹ С его точки зрения, право есть феномен человеческих коммуникаций, т. е. тех взаимодействий между людьми, которые получают специфический текстуальный смысл, позволяющий отличать право от других социальных явлений. Человеческая коммуникация — феномен, объединяющий субъективное и объективное, материальное и идеальное, сущее и должное, формальное и ценностное, свободное и принудительное в праве. Отсюда напрашивается важный вывод: коммуникативная теория права позволяет посмотреть на право под более широким углом зрения, который позволит увидеть онтологическую взаимосвязь этих разных его сторон (аспектов,

¹⁸ Другими направлениями в рамках постклассической коллегии можно считать экзистенциальную, разрабатываемую А. В. Стовкой и В. И. Павловым, философско-антропологическую С. И. Максимова, дискурсивную А. С. Александрова и некоторые др.

¹⁹ По мнению А. В. Полякова, современная теория права не может ответить на вопрос «Что есть право?» без ответа на вопрос «Что есть человек?». — Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27, 30–31.

существенных черт) и на этом обосновать возможность универсального (интегрального) правового понимания.²⁰

Невозможно пребывание права во внешней человеку среде, вне связи с его коммуникативными возможностями, полагает петербургский ученый. «Право есть то, что **соприродно** человеку (обладает единой с человеком природой) и **может быть им воспринято как право**. /.../ Право основано на **единстве внутреннего понимания** того, что необходимо делать, и **внешне объективированного действия**. /.../ Любое взаимодействие предполагает одинаковое понимание того, что следует делать, и ожидание того, что другой субъект взаимодействия будет такие действия осуществлять».²¹

Один из основных вопросов философии права — вопрос о том, как связать «внешне» объективированное значение текста права с его «внутренней» системной и индивидуальной контекстуальностью и смыслом. «Любой правовой текст существует, как и право, не сам по себе, а в определенном социокультурном контексте. Любой текст должен быть интерпретирован для того, чтобы можно было выявить его правовой смысл. Правовой текст тогда является правовым текстом, когда в результате его интерпретации и легитимации из него выводятся права и обязанности субъектов, т. е. субъективные права. Только в этом случае можно сказать, что право воздействует на субъектов, оно вообще есть».²²

Смысл правовой коммуникации, по убеждению А. В. Полякова, заключается во взаимодействии субъектов права, с одной стороны, и субъектов коррелятивной обязанности — с другой. Реализация прав и обязанностей, обуславливающих саму возможность существования права, и составляет его смысл. Нарушение прав и неисполнение обязанностей указывает на разрыв правовой коммуникации, что требует ее восстановления. «Что же отличает правовую коммуникацию, — задает вопрос А. В. Поляков, — от других ее разновидностей? Право, как практическая система действия, основано на взаимопонимании, без которого само его существование невозможно. Ведь права нет там, где отсутствует взаимоотношенное поведение. Поэтому нет права без информации, структурированной источником права и адресуемой субъектам правовой коммуникации. Но условием правовой коммуникации является не столько содержание информации и даже не столько ее прескриптивная форма, сколько убеждающая сила, без которой невозможна сама правовая коммуникация как практическое взаимодействие».²³

Признавая эвристическую ценность складывающейся на протяжении последних 10–15 лет петербургской коммуникативной постклассической коллегии философии права, принципиально важным представляется определение **перспектив ее дальнейшего развития**. Не вызывает сомнения, что в современной философии и теории права это наиболее перспективное направление. Но оно, как и любая концепция, подвержено трансформациям, эволюции. Куда, в каком направлении должна развиваться коммуникативная философия права?

²⁰ Поляков А. В. Коммуникативно-феноменологическая концепция права // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. С. 95.

²¹ Там же. С. 95–97.

²² Там же. С. 98.

²³ Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. С. 17.

Одно из таких направлений определено известным украинским и советским теоретиком права П. М. Рабиновичем в предисловии к цитируемой выше работе «Неклассическая философия права: вопросы и ответы». По его мнению, важнейшей проблемой, которая пока не получила должного разрешения в неклассической философии (и это справедливо для коммуникативной концепции) права, является недостаток внимания к социальному (я бы добавил — социокультурному) контексту правовой коммуникации.²⁴

Недостаточно проработанным остается также механизм формирования (конструирования) правового текста, легитимации прав и обязанностей. Почему одни тексты — а отсюда права и обязанности — приобретают социальное (юридическое) признание, а другие нет? На мой взгляд, для решения этой проблемы необходимо привлечение знаний из такого междисциплинарного направления, как критический дискурс-анализ. Правовой текст, с точки зрения Т. ван Дейка, Н. Фэркло, Э. Лаклау, других представителей этого влиятельного сегодня течения, а также П. Бурдьё, формируется на основе «дискурсивной гегемонии» соответствующей социальной группы, которая побеждает в конкурентной борьбе за право номинации (т. е. юридической категоризации и квалификации). Затем он седиментируется в типизациях широких народных масс благодаря манипуляции правосознанием.

Еще одна проблема (а этот перечень, безусловно, является открытым) — это механизм трансформации социальных значений в правовые и их интериоризации в юридические смыслы и поведение. Инструментальный подход, разрабатываемый сегодня в отечественной цивилистике, прежде всего, Б. И. Пугинским, может стать «прививкой» к коммуникативной концепции права.²⁵

Такая социализация, включающая антропологичность и инструментализм, ставшие мейнстримом социогуманитарной науки после «практического поворота», призвана преодолеть догматизацию теории права и всей юридической науки, гипостазированность ее категориального аппарата, наполнить его практическим содержанием.

Подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать, что направление коммуникативной философии права, сложившееся в Петербурге как «незримая коллегия», сегодня выступает локомотивом философии права в России.

²⁴ «Дефицит социальной содержательности, социальной “материальности” — так можно обозначить указанную проблему. Неразрывность объективных и субъективных параметров феномена права в данном случае преимущественно декларируется, постулируется, даже аксиоматизируется как вроде бы самоочевидная. Но их действительное соотношение, их взаимообусловленность конкретному анализу не подвергаются. Тогда как выявление именно социальной (да и иной) детерминированности правового общения позволило бы, полагаю, заполнить содержательную “брешь” в большинстве из рассмотренных правопонимательных концепций» (Рабинович П. М. Предисловие // Неклассическая философия права: вопросы и ответы. С. 29–30).

²⁵ На важность этого момента — учета потребностей, интересов конкретных носителей правовых статусов — указывает П. М. Рабинович (Там же. С. 16–18).